

24 сентября, разрушивъ что возможно, отрядъ покинулъ Салтинскую долину. День былъ осенній, прекрасный. Наблюдая за ходомъ артиллеріи и порядкомъ движенія войскъ, я только ночью, усталый и голодный, достигъ лагеря; ночь была лунная, морозная, путь нашъ шелъ въ гору незамѣтно, въ лагерѣ былъ снѣгъ, все спало крѣпкимъ сномъ, самовара готоваго не было, я спросилъ водки, человѣкъ отвѣтилъ, что князь приходилъ и взялъ остальную. „Проклятый Дундуковъ“, съ этимъ я завернулся въ шубу и заснулъ богатырски.

Рано утромъ пришли звать завтракать въ 6 часовъ. На землѣ разостлана скатерть, жареная баранина и размазня: штабъ многочисленный и признательный. Полковникъ Манюкинъ отсюда со своими баталіонами уходилъ въ штабъ-квартиру и потому звалъ на проводы. Передъ выстроенными войсками на барабанахъ лежала доска, на ней—дюжина бутылокъ шампанскаго и стаканы, проводы, какъ слѣдуетъ быть, въ 6 часовъ утра. Когда кн. Воронцовъ пришелъ проститься съ войсками, громкое „ура!“ и шапки въ воздухѣ обозначали, что и уходящіе были не безучастны къ проводамъ. Старикъ, всегда понимавшій и снисходительно смотрѣвшій въ минуты оконченнаго дѣла на нѣкоторое веселое настроеніе, только улыбался и замѣтилъ, что шапки не нужно бросать вверхъ: артиллерійскія лошади могутъ испугаться.

Затѣмъ въ переходъ до привала солнце стало сильно пригрѣвать, и завтракъ и проводы сказались: на привалѣ я заснулъ, какъ убитый. Слышу, Коцебу меня зоветъ, рѣшительно подняться не могу, слышу, онъ говоритъ Аргутинскому: „Нужно его, кажется, оставить“. Аргутинскій однако же

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1907 г., Апрель—Іюнь.

не могъ этого допустить:— „Н. В., что это говорятъ, что вы не можете ѣхать. Правда, любезный, что вы смотрите такимъ гусаромъ, а ѣхать все-таки нужно“. Я встряхнулся, пошелъ къ Коцебу за приказаніемъ, нужно было приготовить для главнокомандующаго и штаба ночлегъ и расположеніе отряда. „Какъ бы поменьше блохъ“, прибавилъ Коцебу. Я поспѣшилъ, нужно было загладить минутную слабость. Все было во-время приготовлено, но много ли было блохъ—не знаю.

Наконецъ, добрались до Темиръ-Ханъ-Шуры. И главнокомандующій со своими глазами, и Аргутинскій съ раною, оба нуждались въ отдыхѣ. Осень на Кавказѣ имѣетъ свою прелесть, конецъ всѣмъ передрягамъ, подъ крышу, а тамъ, что Богъ дастъ на будущій годъ.

На другое утро я пошелъ навѣстить Аргутинскаго. Онъ рассказалъ мнѣ сонъ, въ которомъ видѣлъ Семена Воронцова военнымъ, въ сраженіи. Черезъ нѣсколько времени государь дѣйствительно назначилъ его въ Преображенскій полкъ и флигель-адъютантомъ.

Аргутинскій получилъ за экспедицію брилліантовую шпагу, я за ночное движеніе получилъ отъ кн. Воронцова Анну 3 ст., а за штурмъ Салтовъ—Владиміра 4 ст.

Главнокомандующій уѣхалъ со своимъ штабомъ, мы остались одни и стали немножко осматриваться на зиму.

Во время экспедиціи было рѣшено всѣ войска въ Дагестанѣ соединить подъ однимъ начальствомъ Аргутинскаго, штабъ-квартиру сдѣлать въ Шурѣ и край назвать Прикаспійскимъ. Кн. Василій Осиповичъ Бебутовъ назначенъ управляющимъ гражданской частью въ Тифлисъ.

Въ Шурѣ было лучше, нежели въ Дербентѣ, больше народу, служащихъ, живущихъ, гостиный дворъ—однимъ словомъ, это былъ русскій небольшой городокъ. Здѣсь стоялъ штабъ Апшеронскаго полка, со своимъ чрезвычайно привѣтливымъ командиромъ кн. Григоріемъ Дмитриевичемъ Орбельяни. Старый кавказецъ, кн. Григорій былъ всѣми любимъ и уважаемъ; у него было 2 брата: Захарій только-что умеръ отъ холеры и Илико (Илья), который, видимо, шелъ въ гору во мнѣніи Воронцова, былъ ловкій офицеръ, высокій, красивый и отважный. По общему обычаю у кн. Орбельяни было пристанище: у него жилъ Клавдій Ермоловъ и еще кто-то постоянно и, затѣмъ, другіе. Штабъ разросся; два брата Васильевы были адъютантами въ штабѣ, оба семейные, у одного была жена красивая, но чрезвычайно сдержанная, у другого

некрасивая, но забавная. У одного маіора была жена красивая, большая; у одного доктора была жена красивая и любезная. И маіоръ и докторъ имѣли безпрестанно командировки. Командиръ батареи, Годлевскій, представлялъ собою оригинальную личность и пунктъ ежевечернихъ сборищъ, для партіи и ужина. Другой батарейный командиръ—еще молодой человѣкъ, умный и образованный, съ отличной репутаціей, подполковникъ Лагода. Полковникъ Генеральнаго Штаба Капгеръ, бывший начальникъ штаба у Бебутова и въ сущности распорядившійся всѣмъ въ Сѣв. Дагестанѣ, остался въ наслѣдство Аргутинскому, который, однако же, зная это, не хотѣлъ имѣть его при себѣ въ той же роли и сказалъ мнѣ: „Вы останетесь при мнѣ, Н. В., по-прежнему“. Нужно было плыть между Сциллою и Харибдою. Александръ Христіановичъ Капгеръ былъ гораздо старше меня, прекрасный человѣкъ, не безъ свѣтскаго образованія, любилъ женское общество и иногда по цѣлымъ днямъ игралъ въ карты. Онъ зналъ очень хорошо сѣверный Дагестанъ и все, что тамъ прежде дѣлалось, но Аргутинскій избѣгалъ его помощи, ревниво отстаивая репутацію, что имъ никто не руководитъ, какъ это было съ Вас. Осиповичемъ. Къ штабу прибавился еще молодой офицеръ Генеральнаго Штаба, Астафьевъ. Въ Шурѣ былъ аптекарь нѣмецъ, у него была очень хорошенькая жена, Софья Павловна. Астафьевъ на ней впоследствии женился, и я ихъ видѣлъ черезъ 35 лѣтъ на губернаторствѣ въ Оренбургѣ. Кн. Григорій Орбеліяни до сихъ поръ здравствуетъ въ Тифлисѣ, всѣми уважаемый, какъ доблестный представитель стараго кавказскаго времени, кромѣ того, какъ замѣчательный грузинскій поэтъ и чрезвычайно милый и добрый человѣкъ.

Другіе разошлись: Годлевскій уѣхалъ генераломъ на родину въ Сибирь. Лагода долго ходилъ по Петербургу безъ дѣла, ища мѣста. Жаль,—способный и умный человѣкъ. Капгеръ впоследствии былъ сенаторомъ, женатый на одной изъ Болугьянскихъ, умеръ въ 70 годахъ. Былъ еще старшій докторъ, Гольмблатъ, нервный нѣмецъ, непоходный.

Несмотря на то, что размѣры расширились, новыхъ служащихъ значительно прибавилось, Кузьмичи и Классовскій удержали свои позиціи. Такъ жили мы мирно между собою, осторожно однако же глядя другъ на друга, такъ какъ два штаба сливаются между собою не вдругъ.

Я вспоминаю обо всѣхъ новыхъ сослуживцахъ съ большимъ удовольствіемъ.

Пришло извѣстіе, что большое сѣрище горцевъ появилось въ Кумухскомъ ханствѣ, въ Мукарскомъ Маголѣ, намъ подвластномъ, и занялъ аулъ его. Кн. Аргутинскій, хотя еле обвязанный, уже чувствовалъ себя хорошо, слѣдовательно, не долго думая, направилъ туда съ разныхъ сторонъ войска, и мы выступили 10 ноября въ зимнюю экспедицію.

Двигались цѣлый день на морозѣ и порядочно страдали отъ холода, въ особенности ночью. На ночь располагались въ сакляхъ, на сѣнѣ, съ горящимъ цѣлую ночь каминомъ, съ порядочнымъ сквознымъ вѣтромъ, безъ оконъ, съ плохо затворяющимися ставнями. Наконецъ добрались до Мукара вечеромъ, оставивъ всѣ вьюки назади. Непрiятель засѣлъ въ крѣпкiй аулъ, оборонялся сильно. У насъ были только горныя орудія. Открытый изъ нихъ огонь немного сдѣлалъ. Кумухская милиція пыталась неоднократно штурмовать, стрѣльба была страшная. Аргутинскій не хотѣлъ терять людей въ этой труппѣ и послалъ своего мирзу Абдурахмана остановить кумухцевъ. Отважный мирза, котораго Аргутинскій рѣдко отъ себя отпускалъ, былъ охотникъ подраться, къ тому же у кумухцевъ съ мукацами были свои счеты; онъ воспользовался этимъ случаемъ неосторожно и ему камнемъ прошибли голову. Аргутинскій былъ взбѣшенъ: его единственный неоцѣненный человекъ былъ унесенъ въ Кумухъ, домой. Рана была опасная, и жаль его было. Абдурахманъ былъ молодецъ и умный. Аулъ не сдавался, ночь холодная; намъ на снѣгу, бивуакомъ, безъ палатокъ, нечего ни ѣсть, ни пить, было скверно. Я видѣлъ у Ермоловыхъ колбасу и видѣлъ, какъ они въ котелкѣ таяли снѣгъ для питья. Хорошо, что я воздержался. Стало брезжить, намъ дали знать, что въ аулѣ стихло, подползли поближе—ауль пустой, осторожно заняли его, чтобы спасти отъ пожара: всѣ улицы и сакли были полны сѣна и соломы; обиліе было чрезвычайное. Достали сейчасъ барановъ, подоспѣли вьюки, шашлыкъ и чай и крѣпкiй сонъ лучшее вознагражденіе за отвратительную ночь. Удивляюсь только, какъ мы не сгорѣли: сѣна людямъ вездѣ было по поясъ, лошадямъ соломы по брюхо, а всѣ курили немилосердно.

Непрiятель ушелъ далеко, но войска поставили по ауламъ, а Аргутинскій остался подъ предлогомъ дожидаться, пока все успокоится въ горахъ: онъ любилъ эту жизнь, то въ одномъ аулѣ у хана, то въ другомъ у преданнаго старшины, то какъ придется, поставятъ въ саклѣ кровать, а то и такъ на полу, и затѣмъ нескончаемые разговоры съ лезгинами, въ

особенности пришедшими изъ дальнихъ ауловъ. Его весьма интересовало, что дѣлается въ горахъ, и онъ хорошо зналъ все, благодаря тому, что владѣлъ самъ языкомъ татарскимъ. Чай и трубка и дымъ изъ камина цѣлый день. Потомъ раза два сходятся къ нему штабные: пловъ, баранина за обѣдомъ и ужиномъ, кахетинское тоже. Иногда соскучится, пойдетъ навѣстить своихъ. Весь мой штабъ—два писаря; кое-какъ на полу, на доскѣ ведемъ переписку и пишемъ донесенія въ Тифлисъ. „Какъ это ты дѣлаешь, Н. В., что у тебя дыма нѣтъ?“ удивлялся Аргутинскій, „я не могу никакъ избавиться отъ него“. Все дѣло было въ его безобразной прислугѣ и въ его совершенномъ равнодушіи къ самымъ элементарнымъ удобствамъ жизни. Какъ ему ни нравилось такое скитаніе, однако же нужно было возвращаться въ Шуру и заняться дѣлами края. Кузьмичи—напоминали ему, что это ужъ не Дербентъ.

Возвращаясь въ Шуру, заѣхали навѣстить мирзу Абдурахмана. Отецъ его былъ уста, т.-е. врачъ, и мы нашли, что онъ лечитъ сына слѣдующимъ образомъ: самъ поджавши ноги на полу, голову сына положить на колѣни къ себѣ и очень острымъ ножичкомъ, который всегда при кинжалѣ, онъ ему скоблитъ черепъ около раны съ тѣмъ, чтобы сдѣлать края трещины мягче и помочь имъ скорѣе сростись. При такой операціи никто никогда не слыхалъ даже вздоха. Консервативная хирургія была въ сильномъ ходу у горцевъ. Ампутаціи они не знали: у многихъ руки и ноги плохо дѣйствовали, но безъ ногъ и безъ рукъ я горцевъ не встрѣчалъ; за то какими страданіями это доставалось.

Заѣхали тоже въ одинъ аулъ, гдѣ жила дочь Алексѣя Петровича Ермолова. Бывшій сардаръ Кавказа въ своихъ походахъ по ауламъ снисходилъ, въ видѣ Юпитера, на ложе красивыхъ женщинъ Чечни и Дагестана.

Мать старшаго изъ трехъ братьевъ Ермоловыхъ кажется была чеченка, а Клавдія и Севера была лезгинка изъ этого аула. Старуха не показывалась, но дочь ея, сестра нашихъ артиллеристовъ, насъ принимала и угощала. Аргутинскій очень дорожилъ расположеніемъ Ермолова, хотя его не зналъ и не видалъ, помогалъ деньгами этому семейству. Дочь была большая здоровая крестьянка, замужемъ за простымъ лезгиномъ¹⁾.

¹⁾ Рѣчь идетъ о Наталіи Алексѣевнѣ Ермоловой, проживавшей въ аулѣ Бол. Казанищи; превосходный портретъ ея акварелью былъ набросанъ княземъ Григоріемъ Григоріевичемъ Гагаринымъ.

Б. Коллюбакинъ.

Всѣ эти подробности у меня сохранились въ памяти, я пишу съ замѣтокъ, сдѣланныхъ въ 60 и 70 годахъ, пишу именно 9 и 13 сентября 1882 г., въ деревнѣ, ровно 35 лѣтъ тому назадъ свершившееся въ этотъ день, по случайному совпадению.

Возвратясь въ Шуру, я отправился въ Тифлисъ на нѣсколько недѣль. Близкій товарищъ Свѣчинъ жилъ при штабѣ въ Тифлисѣ; я у него остановился. Являюсь къ кн. Воронцову; въ большой пріемной его, отдѣленной двойной дверью отъ кабинета, какъ всегда, множество людей всякаго рода, курятъ, шумятъ, толпятся, иногда даже танцуютъ, такъ что, когда старикъ вышелъ, ему было нужно нѣкоторое время, чтобы за дымомъ разсмотрѣть, что тутъ происходитъ. Поздоровавшись со мной со свойственной ему привѣтливостью, онъ въ дверяхъ кабинета проговорилъ, обращаясь назадъ: „Voici, chère amie, Issakoff, qui arrive du Dagestan, il te rancontra mieux que nous comment nous avons passé l'été ensemble et te donnera des nouvelles de notre cher prince Argoutinski, au quel tu t'interesses tant“¹⁾. Съ этою фразой въ мою пользу и предназначенной для передачи Аргутинскому въ томъ, что до него касалось, я очутился въ кабинетѣ князя, который пошелъ принимать разныхъ людей. Передо мной была слѣдующая сцена: княгиня сидѣла за письменнымъ столомъ князя и подписывала бумаги. Передъ нею стоялъ П. Е. Коцебу и подкладывалъ ихъ механически по очереди для подписи. Признаюсь, эта сцена была неожиданна. Чужая подпись была возведена въ служебную форму. Дѣло однако же было простое: князю, продолжавшему болѣть глазами, было врачами запрещено читать и писать, а потому бумаги, доложенныя начальникомъ штаба и скрѣпленныя его подписью, предлагались подъ механическую подпись, какъ подъ грифъ, посторонняго лица, незнающаго, что подписываетъ. Княгиня была такимъ лицомъ, отлично выучившимся подражать неузнаваемо подписи князя. За остальное отвѣчала начальникъ штаба, и процедуру эту не имѣли нужды держать въ секретѣ, по крайней мѣрѣ между своими.

Въ первую минуту мнѣ казалось, что я попалъ туда, гдѣ мнѣ быть не слѣдовало, но это была минутная мысль. Княгиня стала меня спрашивать, продолжая подписывать. Въ этотъ

¹⁾ Вотъ, милый другъ, Исаковъ, пріѣхавшій изъ Дагестана. Онъ тебѣ лучше насъ расскажетъ, какъ мы вмѣстѣ провели лѣто, и сообщитъ извѣстія о нашемъ дорогомъ князѣ Аргутинскомъ, которымъ ты всегда такъ интересуешься.

же день Воронцовы позвали меня къ себѣ обѣдать, и оба, князь и княгиня, старались показать на мнѣ свое вниманіе и любезность къ князю Моисею Захаровичу.

Жизнь въ Тифлисѣ была та же, что и въ прошедшемъ году: обѣды, пирушки, балы; общество было то же. Кн. Воронцовъ старался все болѣе и болѣе втянуть грузинскихъ дамъ въ европейскій обиходъ, мужчины давно ихъ въ этомъ опередили, изъ нихъ много было военныхъ. Кн. Воронцовъ старался ихъ выдвигать, что не нравилось русскимъ. Сплетни были тѣ же, но жилось весело. Штабъ отчасти поразѣхался, кто въ Петербургъ, кто въ командировки. Мѣсяца два прошло быстро, нужно было возвращаться въ Шуру. Ближайшій начальникъ мой, Николай Ивановичъ Вольфъ, однако же поставилъ условіемъ возвращеніе въ отрядъ, пребываніе въ коемъ считалось всегда въ видѣ награды, ибо давало способъ къ отличіямъ и наградамъ, чтобы я представилъ описаніе края, если желаю возвращенія въ отрядъ. Требованіе опредѣленное, но я не былъ готовъ, не было подъ рукою ничего и никого для справокъ, работа моя была, въ сущности, плохая. Къ веснѣ нужно было спѣшить. Вольфъ, зная отъ бывшихъ въ началѣ экспедиціи не штабныхъ, что я съ Аргутинскимъ поладилъ, не удерживалъ меня, и я по скверной дорогѣ, на перекладныхъ, черезъ Шемаху, Кубу и Дербентъ, доплелся до Шуры.

Въ дорогѣ ничего замѣчательнаго; нѣкоторая привычка обходиться безъ всего, что не крайне необходимо, къ отсутствію всякаго комфорта уже была сдѣлана. День и ночь въ телѣгѣ, заѣзжая кое къ кому изъ начальниковъ частей отдохнуть. Въ Кубѣ Джафаръ - Кули - ага—гостепріимный полковникъ, начальникъ милиціи въ нашемъ отрядѣ, котораго Аргутинскій ласкалъ. Въ Дербентѣ губернаторомъ былъ кн. Александръ Гагаринъ. Бывшая квартира Аргутинскаго преобразилась въ европейское помѣщеніе. При всемъ этомъ долженъ сознаться, что кочевая жизнь большой привлекательности для меня не имѣла: кое-гдѣ уснешь, кое-гдѣ пообѣдаешь. Все еще случались грабежи по этой дорогѣ, хотя уже почтовое сообщеніе было устроено давно. Въ конвой давали какихъ-то оборванцевъ изъ туземцевъ, которые, по одному покидая васъ на каждой верстѣ, на половинѣ дороги оставляли одного на произволъ судьбы; дрянный народъ, на дрянныхъ лошадяхъ, изъ которыхъ хорошія-то породы, карабахскіе жеребцы, хороши подъ попонами на показъ. Какая разница между ними и чеченцами. Лезгины, населяющіе подъ этимъ общимъ именемъ Дагестанъ, дерутся

хорошо подъ закрытіемъ, а въ открытомъ мѣстѣ—не важно. Кавалерія ихъ совсѣмъ плоха. Изъ всѣхъ милицій у насъ только Аварская молодцы, со своимъ начальникомъ Али-ханомъ, заклятымъ врагомъ Шамиля, за разореніе Чеха, ихъ родины.

По возвращеніи въ Шуру, отправились мы съ Аргутинскимъ на Мятлинскую переправу, гдѣ на рѣкѣ Койсу выстроены были башни и стояли двѣ роты гарнизона, а оттуда въ Чирь-юртъ, посмотрѣть на штабъ Нижегородскаго драгунскаго полка, недавно переведеннаго изъ Царскихъ колодець.

Я помѣстился у Михаила Маслова, брата адъютанта Воронцова. Какъ человѣкъ съ большими средствами, онъ построилъ себѣ домикъ уютный и удобный; у него было и тепло и свѣтло и хорошій поваръ и библіотека.

Въ Чирь-юртѣ насъ занесло позднимъ снѣгомъ, такъ что нѣсколько дней нельзя было пробраться къ полковому командиру, гдѣ жилъ Аргутинскій. Онъ знакомился и бесѣдовалъ съ Круковскимъ. Старый кавказецъ, давно служившій въ линейныхъ казакахъ, Круковскій былъ лихой офицеръ, огромнаго роста, съ огромными бакенбардами въ видѣ бороды. Онъ былъ самыхъ простыхъ привычекъ и незатѣйливой обыденной жизни; ѣздилъ, бывало, изъ Чирь-юрта въ саночкахъ съ ординарцемъ, безъ конвоя, въ Шуру, а застанеть мятель, такъ переночуетъ подъ стогомъ сѣна въ полѣ, и такъ—версть 60. Я въ эти дни, помню, прочелъ *mémoires de Casanove* и еще какіе-то мемуары.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи нашемъ въ Шуру пріѣхалъ кн. Александръ Бяратинскій. Онъ былъ назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка и начальникомъ Кумыкской плоскости, слѣдовательно, ближайшимъ сосѣдомъ Прикаспійскаго края. Въ своемъ егерскомъ мундирѣ съ аксельбантами и всѣми орденами, которыхъ было множество, онъ явился къ Аргутинскому и очаровалъ его такъ своей любезностью и придворной учтивостью, которая была не безъ лести, что мой Моисей Захаровичъ на другой день часовъ въ 5 утра уже стучалъ ко мнѣ въ окошко. Такъ какъ онъ спалъ днемъ по нѣсколько разъ, то вставалъ очень рано и собирался отдать визитъ кн. Бяратинскому съ пѣтухами. „Какъ ты думаешь, Н. В., я бы могъ теперь отдать князю Бяратинскому визитъ. Онъ человѣкъ боевой, вѣрно встаетъ рано, не по-придворному“. Я насилу его отговорилъ. У кн. Бяратинскаго между прочимъ было и курьезное дѣло для передачи Аргутинскому. Въ Петербургѣ, откуда онъ только, что пріѣхалъ,

ему поручили какого-то полячка, заявившаго въ III-е отдѣленіе, что онъ можетъ указать на лицъ въ войскахъ, которыя сообщаютъ непріятелю всѣ наши намѣренія и приготовленія. Подозрѣніе о такой передачѣ существовало, и потому заявленіе это было принято за серьезное и нужно было сговориться, какъ дѣйствовать. Сговорились такъ: когда кн. Барятинскій получитъ отъ этого господина списокъ лицъ, то черезъ лазутчика перешлетъ его Аргутинскому съ назначеніемъ ближайшаго дня для ихъ арестованія, какъ на Кумыкской плоскости, такъ и въ Дагестанѣ, одновременно.

Когда лазутчикъ отъ Барятинскаго пріѣхалъ, собрали частныхъ начальниковъ, объявили имъ по секрету въ чемъ дѣло, дали каждому конвой и лицъ, означенныхъ въ списокѣ, приказали арестовать и сдѣлать у нихъ обыскъ. Это было поздно вечеромъ. Ничего ни у кого не нашли, принесли какую-то бумагу, на которой одинъ поручикъ для препровожденія времени учился подписываться, называя себя разными чинами въ будущемъ и кончая: полковникъ Н.Н. и покойникъ Н.Н., дальше онъ не шель. Вообще вся эта исторія кончилась пуфомъ. Вѣроятно, этотъ полячокъ, большая каналья, хотѣлъ выслужиться въ Петербургѣ и оговорилъ многихъ, жандармы тоже. Аргутинскій былъ недоволенъ, что его тоже впутали, но послѣдствій серьезныхъ не было.

Правда, что наши намѣренія часто узнавались въ горахъ, и мы, воображая, что можемъ иногда захватить кого-нибудь врасплохъ, убѣждались, что горцы цѣлую зиму готовились насъ встрѣтить. Однако же, поляки служили на Кавказѣ не хуже русскихъ, было много хорошихъ боевыхъ офицеровъ. Правда также, что были изрѣдка офицеры, которые порядочно объяснялись по-татарски, но сношенія для нихъ съ горцами были весьма трудны. Развѣ—какая-нибудь болтовня, зимой, въ баталіонахъ, стоявшихъ по передовымъ ауламъ, гдѣ иногда войска сходились съ жителями на базарахъ. Болтовня въ штабахъ доходила и до темныхъ строевыхъ офицеровъ.

У Шамиля въ горахъ было порядочное число бѣглыхъ солдатъ, они были мастеровые и артиллеристы при пушкахъ, захваченныхъ у насъ въ 1843 г. по разнымъ мелкимъ укрѣпленіямъ. Шамиль цѣнилъ ихъ, старался женить, перетянуть въ магометанство, и тогда этимъ бѣглымъ жилось тамъ хорошо. Нѣкоторые изъ захваченныхъ въ плѣнъ тамъ остались. Не знаю, что съ ними со всѣми сдѣлалось послѣ покоренія Кавказа. Что случилось съ цѣлюю слободою русскихъ, кажется, при

Дарго. Что случилось съ тѣми музыкантами, которыхъ мы ежедневно слышали подъ Салтами играющими вечернюю зорю у непріятели. Рассказывали, будто бы прежде водились и наши офицеры у Шамиля. При мнѣ такого случая не было. Видѣли тамъ иностранцевъ, англичанъ, кажется. Впослѣдствіи они сдѣлались извѣстны по именамъ. Подозрѣвать своихъ было напрасно.

Кн. Воронцовъ намѣренъ былъ посѣтить весною мусульманскія провинція, проѣхать Дагестанъ и по линіи.

Кн. Аргутинскій поѣхалъ ему навстрѣчу въ Баку. Жители и начальство приготовили ему иллюминацію оригинальную. Нефть начинала вступать въ права гражданства, городъ, террасами построенный, освѣщенъ былъ красиво. Въ портѣ стояло нѣсколько судовъ, отъ берега отчалили лодки съ боченками нефти и, плывя къ судамъ, выбрасывали ее въ море. Съ берега ее зажгли, и такъ какъ лодки были невидимы въ темнотѣ, то суда оказались вдругъ среди огненного моря.

Затѣмъ состоялась поѣздка на Бакинскіе огни; въ 14 верстахъ отъ города выстроены какой-то замокъ съ башнями, повсюду проведены трубы изъ-подъ земли. Внутри замка и въ башняхъ пылающая нефть создаетъ что-то волшебное: въ немъ, какъ тѣни, бродятъ индусы—огнепоклонники. Когда-то поселили здѣсь нѣсколько человѣкъ гебровъ, съ тѣхъ поръ огни не переводятся. Этимъ бы слѣдовало ограничиться, но гебры желали угостить сардаря церемоніей поклоненія огню. Въ одномъ изъ помѣщеній замка устроено у нихъ въ родѣ жертвенника, на которомъ наставлено множество маленькихъ бронзовыхъ идоловъ, среди которыхъ я замѣтилъ и солдатскіе мѣдные образа и складни. Начался призывъ въ большія раковины, издававшія нестерпимо рѣжущіе звуки, кувырканы, пѣніе и подъ конецъ раздача леденца: все это было балаганно, придумано. Зато кругомъ замка было интереснѣе: пастухи продѣлывали въ стѣнахъ замка дырочки, зажигали выходящей изъ нихъ газъ и грѣлись. Намъ показали одинъ колодець, окруженный камнями; я взглянулъ внизъ, тамъ цѣлый адъ огня; покрыли его рогожей на нѣсколько минутъ, газъ скопился, и когда въ колодець бросили зажженную бумагу, то послѣдовалъ выстрѣлъ, какъ изъ орудія.

Кн. Воронцовъ объѣзжалъ часть края, которую еще не успѣлъ осмотрѣть за время своего управленія. Путешествіе совершалось такимъ образомъ: онъ ѣхалъ въ большихъ низкихъ дрожкахъ, со скамейкой спереди, гдѣ сидѣлъ читающій

ему газеты, или сынъ, или Николай, или Дундуковъ; за нимъ, въ экипажахъ, весь сопровождающій его штабъ. Кругомъ и около неслись милиція и почетные жители Кубанской и Бакинской области на горячихъ жеребцахъ, затѣмъ различные ханы горскихъ племенъ Дагестана, увѣряя князя въ своей преданности и поднимая такую пыль, что можно было задохнуться ѣхавшимъ сзади. Я думаю, что князь отвѣчалъ тѣмъ же на всѣ эти заявленія. Какъ дагестанскіе беки, въ случаѣ натиска на нихъ Шамиля, не запнулись бы дѣйствовать противъ насъ, такъ и князь, въ случаѣ нужды, не моргнувъ, повѣсилъ бы любого изъ нихъ, но пока теперь встрѣча была блестящая и онъ всѣмъ улыбался и жалъ руку. Коцебу смотрѣлъ на все скептически, а Аргутинскій былъ въ восхищеніи отъ кн. Воронцова въ это время.

По возвращеніи въ Шуру разрѣшился вопросъ объ арестованныхъ; ихъ освободили, и впослѣдствіи дѣло кончилось ничѣмъ. Новый планъ экспедиціи въ Дагестанъ для овладѣнія Гергебилемъ былъ рѣшенъ, и главнокомандующій выѣхалъ далѣе въ Чирь-юртъ. Круковскій встрѣтилъ насъ со своими драгунами; отъ Шуры впередъ выслана была пѣхота; переѣздъ обезпеченъ отъ непріятельскаго покушенія, на открытомъ 50-верстномъ пространствѣ, и за обѣдомъ у Круковского, послѣдній обратился къ князю, прося позволенія трубачамъ немного поиграть, какъ онъ выразился. Эта музыка и пиръ его были болѣе нежели скромны. Зато на другой день рано утромъ передъ выѣздомъ, сосѣдъ-начальникъ Кумыкской области пожаловалъ въ Чирь-юртъ, чтобы провожать главнокомандующаго. Большая толпа конныхъ черкесовъ и кумыхцевъ внеслась въ большую Чирь-юртскую улицу. Впереди, въ мундирѣ со всѣми орденами, на сильномъ иноходцѣ ѣхалъ кн. Барятинскій, за нимъ бѣлый значекъ и разноцвѣтная толпа на отличныхъ коняхъ, отлично одѣтая и вооруженная, а дальше крытыя дрожки тройкой, отличныхъ гнѣдыхъ лошадей и съ огромной толщины кучеромъ, какъ ѣздитъ государь въ Царскомъ Селѣ. И Круковскій и Барятинскій были оба лихіе офицеры, предприимчивые и смѣлые, но декорація уже перемѣнялась.

Сдѣлавъ полъ-перехода по Кумыкской плоскости съ тѣми же предосторожностями и постоянною джигитовкою все подъѣзжавшихъ изъ разныхъ ауловъ жителей, преданныхъ русскому царю, при чемъ, конечно, вся обстановка была отлично придумана Барятинскимъ, мы остановились было въ Умахской

юртѣ позавтракать, но, къ сожалѣнію всѣхъ голодныхъ, князь спѣшилъ. Что успѣли, захватили со стола, сгибавшагося подъ яствами и виномъ. Затѣмъ переѣзжали горную рѣчку. Мы съ Капгеромъ, какъ были въ коляскѣ, такъ и выѣхали. Сильный напоръ на самой серединѣ опрокинулъ коляску, Капгеръ и человекъ его, сидѣвшій на козлахъ, мгновенно вылетѣли. Къ счастью, человекъ умѣлъ плавать, а Капгера пронесло сажень 15 и прибило къ камнямъ, иначе онъ погибъ бы. Я успѣлъ схватиться за шарниры коляски и удержался на ея боку. Съ берега мнѣ кричали: „брось, брось“, потому что она могла опрокинуться на меня, но я выждалъ, когда подошли конные люди, взяли меня на лошадь и вывезли на берегъ. Эта непрошенная ванна прошла благополучно, но могла намъ съ Капгеромъ обойтись дорого.

Въ Хасавъ-юртѣ, штабъ-квартирѣ кн. Барятинскаго, ждалъ насъ обѣдъ на петербургскій ладъ, съ толстымъ мажордомомъ, съ серебромъ и проч. Обѣдъ длился долго, нѣкоторые изъ приглашенныхъ почетныхъ туземцевъ подпили и одинъ изъ нихъ, болѣе балованныхъ, Гугушевъ, началъ громко ругаться за то, что ему при послѣдней раздачѣ подарковъ достались серебряные часы. Коцебу улыбался кисло, унять его не было возможности. Князь поспѣшилъ окончить трапезу и пошелъ сыграть на билліардѣ партію. Мы разбрелись по палаткамъ выпастыся. На другое утро рано выѣхали въ Шуру съ княземъ Аргутинскимъ.

VII.

Когда все было готово къ экспедиціи и подножный кормъ въ горахъ показался, мы выступили въ походъ. Подошли къ Гергебилю и остановились на ночевку надъ нимъ, на высотѣ тысячъ 3 футовъ; съ разсвѣтомъ по горной тропинкѣ спустились. Назначены были двѣ роты пѣхоты и милиціи, съ которыми Аргутинскій поручилъ мнѣ сдѣлать рекогносцировку. На слѣдующій день отрядъ нашъ спустился и расположился лагеремъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ отрядъ кн. Бебутова въ прошломъ году подъ Гергебилемъ. Переднія высоты подъ самымъ ауломъ, при входѣ въ сады, были тотчасъ заняты батареями. Инженерная работа закипѣла, начальникомъ ея былъ полковникъ Ковалевскій, командиръ сапернаго батальона. Въ числѣ офицеровъ инженерныхъ былъ Кауфманъ, Констан-

тинъ Петровичъ, и прѣхавшій изъ Петербурга для пробы работъ посредствомъ бурава Тотлебенъ ¹⁾).

Изъ артиллеристовъ—всѣ три брата Ермолovy, которымъ Аргутинскій покровительствовалъ въ знакъ уваженія къ Алексѣю Петровичу, который писалъ письма къ нему и хвалилъ его дѣйствія въ Дагестанѣ; Лагода—командиръ батареи, Степанъ Ивановичъ Гурскій—командиръ горной батареи, очень хорошей офицеръ; старый мой товарищъ по конной батарее Николай Дмитриевичъ Кривцовъ. Изъ штаба были Минквицъ, Моллеръ и Ростиславъ Давыдовъ. Ген. штаба Свѣчинъ и бар. Леонтій Николаи ²⁾, братъ секретаря кн. Воронцова. Когда инженеры устроили закрытія и батареи стали дѣйствовать, бросая изъ мортиръ бомбы въ ауль, оказалось нужнымъ окружить ауль и прервать связь горцевъ со скопищемъ непріятели, занимавшаго за садами аулы и за р. Койсу ту же позицію, какъ въ прошедшемъ году. Сначала, кружною дорогою послали Евдокимова съ 2 баталіонами и горными орудіями занять крайній пунктъ на высотахъ Ай-Мекинскихъ подъ ауломъ. Горцы его по ночамъ сильно атаковали нѣсколько разъ. Затѣмъ, нужно было овладѣть садами. Аргутинскій считалъ, что никто не сдѣлаетъ этого лучше, какъ кн. Барятинскій съ кабардинскими баталіонами, привычными драться въ лѣсу.

Кабардинцы должны были спуститься ночью и съ разсвѣтомъ атаковать сады. Аргутинскій послалъ меня вечеромъ къ кн. Барятинскому узнать, все ли готово. Я нашелъ, что баталіоны уже ушли на позицію. Барятинскій еще сидѣлъ у себя въ палаткѣ съ Минквицемъ, попивали пуншъ и рассказывали другъ другу самые несбыточные анекдоты. Наконецъ, Барятинскій снялъ башмаки, надѣлъ личные сапоги, сѣлъ верхомъ и отправился на позицію. Тьма была кромѣшная.

Съ разсвѣтомъ кабардинцы стали подвигаться въ садахъ, непріятель ихъ встрѣтилъ въ значительныхъ силахъ и бой былъ очень жаркій и потери кабардинцевъ очень серьезны: одинъ изъ баталіонныхъ командировъ убитъ, любимецъ Барятинскаго, нѣсколько офицеровъ убито и ранено, челоѣкъ 130 принесли въ лагерь; въ числѣ ихъ былъ его адъютантъ,

¹⁾ Съ Тотлебеномъ былъ еще молодой тогда Сигиз. Андр. Тидебель, въ семидесятые года—начальн. Никол. инжен. академіи и училища.

²⁾ Баронъ Леонтій Павловичъ—впослѣдствіи генераль-адъютантъ, начальникъ Кавказской гренадерской дивизіи. Скончался въ концѣ 80-хъ годовъ монахомъ въ знаменитомъ Grande Chartreuse близъ Гренобля.

кн. Дмитрій Святополкъ-Мирскій¹⁾ съ прострѣленною насквозь грудью. Работа около раненыхъ началась. Число ихъ не производило хорошаго впечатлѣнія. Аргутинскій хмурился, находилъ, что слѣдовало бы избѣжать такой потери. Барятинскій въ душѣ болѣлъ за своихъ и жалѣлъ нѣкоторыхъ лично. Мирскому онъ обѣщалъ, если доктора найдутъ его положеніе безнадежнымъ, сказать тотчасъ. Онъ его навѣщалъ по нѣскольку разъ въ день, ходилъ за нимъ, какъ за сыномъ, но Мирскій признавался послѣ, что всякій разъ, когда онъ входилъ въ первые дни, онъ ожидалъ смертнаго приговора. Мирскій выздоровѣлъ скоро.

Непріятель сдѣлался осторожнымъ. Редуты были заложены въ садахъ, и войска, съ пѣсельниками и бубнами впереди баталіоновъ, заняли на другой день линію посреди садовъ, заложили еще нѣсколько редутовъ и вошли въ сообщеніе съ позиціей Евдокимова, такъ какъ непріятель свободно могъ проникать въ эти обширные сады. Въ день нашего занятія садовъ, непріятель, у котораго за Койсу стояло на горѣ 2 орудія, слѣдилъ за Аргутинскимъ и на открытой площадкѣ садовъ пустилъ по немъ 2 ядра очень мѣтко. Я ѣхалъ за нимъ. Когда онъ позвалъ меня, и я хотѣлъ подѣхать справа, въ эту минуту ядро справа рикошетомъ попало въ задъ его лошади, второе рикошетомъ же пролетѣло надъ нашими головами. Ясно было, что у непріятели знаютъ цвѣтъ лошади Аргутинскаго и его фигуру, имѣютъ хорошую зрительную трубу и хорошаго артиллериста. Все это было нѣсколько удивительно для горцевъ, но вотъ что еще удивительнѣе—ядро ранило лошадь снизу вверхъ въ заднюю лопатку, прошло поверхъ крупа и опустилось на лѣвую лопатку. Лошадь сильно подпрыгнула, но дошла подъ Аргутинскимъ до лагеря версты 3, хромая, и пала только на третій день. Ядро было, правда, маленькое.

Когда наступала темнота, сообщеніе прекращалось и съ наиболѣе отдаленною позиціей мы переговаривались изъ лагеря доморощеннымъ оптическимъ телефономъ: бумажными шарами со свѣчками внутри, на подобіе пожарныхъ сигналовъ. Горцы пробовали ночью кидаться въ шашки съ гикомъ на наши редуты, но, какъ всегда, здѣсь было больше стрѣльбы и шума, а очень мало дѣла, и войска, привыкшія къ этому,

¹⁾ Князь Дмитрій Ивановичъ—впослѣдствіи генераль-адъютантъ, Помощникъ Намѣстника на Кавказѣ.

смутить было трудно; если они держались въ порядкѣ, горцы имъ сдѣлать ничего не могли, какъ они ни были дерзки.

Дѣйствіе батарей шло своимъ порядкомъ. Наученные прошлогоднимъ опытомъ, мы запаслись снарядами на долгій срокъ и тратили ихъ съ бережливостью. Ежедневно мы отправлялись въ сады осматривать батальоны въ редутахъ и на батареяхъ. Однажды, помню, идемъ въ садахъ пѣшкомъ со Свѣчинымъ, встрѣчаемъ четверо солдатиковъ, несутъ кого-то въ носилкахъ, но кого—не видно. Свѣчинъ издали спрашиваетъ громко: „Съ какой позиціи?“. „Отъ Евдокимова“—отвѣчаютъ. „Кого несете?“. „Моллерова“,—отвѣчаютъ. „Что, наповаль?“—спрашиваетъ Свѣчинъ, дѣлавшій первую экспедицію, кажется, и относившійся нѣсколько свысока къ бѣдствіямъ войны. Въ эту минуту мы видимъ высовывается изъ носилокъ кулакъ, а затѣмъ голова Моллера. „Я тебѣ дамъ наповаль“, кричитъ Моллеръ, „это ты такъ-то относишься къ убитому товарищу, подожди“. Съ тѣхъ поръ за Свѣчинымъ и Моллеромъ осталось при всякой нашей встрѣчѣ слово „наповаль“. Свѣчинъ былъ добрый и хорошій товарищъ мой еще по Московскому корпусу. Онъ, бѣдный, погибъ въ 1854 г. при началѣ кампаніи въ Азіатской Турціи. Говорятъ: когда онъ возвращался откуда-то съ обѣда верхомъ и въѣзжалъ къ себѣ въ ворота, лошадь испугалась пѣтуха и, сбросивъ его, переломила ему шею. Старикъ-отецъ его еще былъ живъ, почтенный человекъ, какое ему было горе, какъ подумаешь.

Моллеръ впослѣдствіи командовалъ Эриванскимъ карабинернымъ полкомъ на Кавказѣ и заслужилъ съ нимъ Георгія 4 ст. Затѣмъ я его помню женатымъ во второй разъ и дивизионнымъ командиромъ въ Москвѣ. Онъ умеръ въ концѣ 70 годовъ. Хорошій офицеръ и товарищъ.

Ауль былъ окруженъ, но гарнизонъ продолжалъ защищаться. Ночью перестрѣлка въ садахъ доказывала, что горцы пробирались изъ-за Койсу въ ауль и провозили провіантъ, а изъ аула увозили раненыхъ. Чѣмъ должно кончиться дѣло съ Гергебилемъ, ясно не обрисовывалось еще, какъ вдругъ одно случайное обстоятельство его рѣшило. Прямо къ аулу и подъ его обороною выходило Ай-Мекинское ущелье, огромная горная трещина, изъ которой небо было видно, какъ лента, и въ которомъ сверху можно было закидать камнями всякаго проходящаго. Въ немъ текла горная рѣчка и, по обычаю горцевъ, вода изъ нея, поднятая канавой до выхода еще изъ

ущелья, проведена была въ башню, крайнюю въ аулъ, и тамъ составляла единственный запасъ воды для гарнизона.

Когда подошли батареями и ложементами стрѣлковъ очень близко, замѣтили эту канаву случайно, отъ отблесковъ солнца въ сочившуюся изъ нея воду, что было не легко между одинаковаго цвѣта каменными скалами. Артиллеристы начали упражняться попадать ядрами въ канаву, разбили ее и вода потекла не доходя до башни, слѣдовательно, безопасное пользование водой было прекращено для гарнизона и ночью особые стрѣлки занимались вблизи обстрѣливаніемъ этого мѣста, не допуская ходить за водою. Положеніе уже было тяжелое для гарнизона, когда вдругъ съ мортирной батареи одного изъ Ермоловыхъ бомба попала прямо въ башню, гдѣ былъ резервуаръ воды, и развалила его. Какіе клики радостные прошли по лагерю при этомъ извѣстіи. Несомнѣнно было, что гарнизонъ держаться не можетъ, и ночью въ садахъ наши войска сторожили изъ своихъ редутовъ его бѣгство; но онъ пробрался таки, несмотря на отчаянную стрѣльбу нашу, и на другой день аулъ оказался пустъ.

Успѣхъ былъ серьезный, безъ штурма, счастье было на сторонѣ Аргутинскаго. Онъ послалъ съ донесеніемъ кн. Воронцову близкаго ему человѣка, бар. Леонтія Николаи, который Главнокомандующимъ былъ посланъ съ донесеніемъ къ государю и былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ.

Неприятель оставался на своей позиціи за р. Койсу, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Нужно было спровадить все тяжелое изъ лагеря и попробовать уничтожить разбойничье гнѣздо. Оказалось, что аулъ, какъ всегда, есть гора, истыканная дырками, кое-гдѣ подпертыми деревьями. Сожгли это все, но главное были сады, составляющіе источникъ существованія для населенія: иногда орѣховое дерево составляло все состояніе цѣлаго семейства. Эти сады мы попробовали рубить, на нѣсколькихъ деревьяхъ испортили свой шанцевый инструментъ и бросили.

Пока это дѣлалось, помню, что инженеры и саперы дали обѣдъ или завтракъ. Въ Ай-Мекинскомъ ущельѣ, близъ канавы, которая сыграла такую большую роль при взятіи Гергебиля, въ холодную рѣчку поставили шампанское и чествовали кн. Бярятинскаго, какъ гостя и начальника войскъ, къ Дагестану не принадлежащихъ и имѣвшихъ самое крупное дѣло въ этой экспедиціи.

Настало время однако же оставить ауль. Нужно было снять нашу линію обложенія съ наименьшею потерей отъ стоящаго вблизи на своей позиціи весьма значительнаго непріятели и все чего-то выжидаващаго. Видимо было, что онъ намѣренъ взять реваншъ, а Аргутинскій былъ твердо намѣренъ не давать ему реванша. Все было заранѣе соглашено. Самый отдаленный пунктъ, которому приходилось пройти всѣ сады, именно редуть Евдокимова, долженъ былъ сняться въ часъ намаза, когда множество непріятели творить молитву у рѣки, слѣдовательно, находилось внѣ лагеря и безъ оружія. Затѣмъ Евдокимовъ присоединилъ къ себѣ войска слѣдующаго редута, и такимъ образомъ отступавшія войска все усиливались бы, что было необходимо въ виду непріятели многочисленнаго, готоваго черезъ мостъ броситься во всякую минуту въ сады на оплошную или просто слабую часть войскъ.

Такъ и сдѣлалось, но не все; всего не доглядѣли. Баталіоны очень осторожно и незамѣтно спустились съ своей позиціи въ сады, но солдатиковъ трудно отучить не истреблять, что покидаютъ; оставляя, они подожгли туры, и дымъ загорѣвашагося редута замѣтили у непріятели; все, что было въ лагерѣ, бросилось въ сады, что творило намазъ, бросилось въ лагерь за оружіемъ, и безъ боя уже нельзя было снять линіи нашихъ постовъ. Непріятели насѣлъ въ особенности на арьергардъ, на баталіонъ полка Евдокимова, которымъ командовалъ Дмитрій Кузьмичъ Ассѣевъ.

Видя себя сильно атакованнымъ, онъ съ баталіономъ залегъ въ послѣднемъ редутѣ и сталъ отстрѣливаться надъ оврагомъ, отдѣлявшимъ сады отъ нашихъ батарей. Всѣ остальные баталіоны вышли изъ садовъ, перешли благополучно черезъ оврагъ и отправились въ лагерь. Аргутинскій стоялъ на батарее. Инженеры, предвидя атаку непріятели, заложили подъ послѣднимъ редутомъ мину и проволоки были въ двухъ шагахъ отъ Аргутинскаго, это была первая попытка примѣненія минъ къ полевымъ дѣйствіямъ. Идея была Тотлебена. Съ нетерпѣніемъ ожидали они эффекта на горцевъ, но Ассѣевъ изъ редута не трогался, лежалъ и отстрѣливался. Кругомъ въ гущинѣ садовъ залегъ и непріятели. Нельзя было показаться фуражкѣ, чтобы не попасть подъ пулю. Онъ только и ждалъ, что баталіонъ тронется изъ редута, чтобы покончить съ нимъ въ оврагѣ, глубоко, покрытомъ кустарникомъ, который приходилось Ассѣеву проходить. Аргутинскій въ нетерпѣніи посылаетъ своего вѣрнаго гурійца Глахуна и отдаетъ ему приказаніе

по-грузински, чтобы онъ сказалъ Ассѣву, что онъ долженъ сейчасъ же отступать. Храбрый гуріецъ скатился кубаремъ съ батареи, перебѣжалъ оврагъ, вспрыгнулъ въ редутъ, подползъ къ Ассѣву и передалъ ему, что князь сердитъ, и что подъ редутомъ заложена мина, которую сейчасъ взорвутъ. Ассѣвъ его выругалъ, съ нимъ и Аргутинскаго: „Какъ выйду отсюда? пусть-ка самъ придетъ старый дунчузъ“ (кабанъ, какъ звали Аргутинскаго горцы). Но заложённая мина на него подействовала. „Ну, какъ эти шальные инженеры вдругъ взорвутъ его, желая показать себя“. Ассѣвъ мигомъ выпрыгнулъ со своимъ баталіономъ въ оврагъ, и непріятель въ тотъ же мигъ бросился въ редутъ и въ тотъ же мигъ мина была взорвана. Все, что попало въ редутъ, взлетѣло на воздухъ, и горцы были такъ ошеломлены и перепуганы, что безъ выстрѣла убрались восвояси. Ассѣва приняли со всякими почестями, онъ сдѣлалъ свое дѣло молодцомъ и безъ потерь, смѣливо, но долго потомъ не могъ вспомнить безъ нѣкоторой дрожи: „Что, если бы эти шальные инженеры, чертовы перешницы, какъ-нибудь сослѣпа эти проклятыя проволочки дернули; ужъ эти мнѣ ученые“ и проч. и проч.

Сверхъ ожиданія на другой день непріятель не тревожилъ нашего ухода. Этотъ вчерашній взрывъ научилъ его быть осторожнымъ. Въ полдень, въ жару, мы сдѣлали версть 25 и расположились въ садахъ села Хаджалъ-Махи, недалеко отъ Гергебиля, а декорація быстро перемѣнилась: канавы по садамъ служили ваннами, мѣсто быстро расчищалось, раскидывались палатки и купанье освѣжало послѣ долгаго стоянія подъ Гергебилемъ. Продавцы явились изъ селенія, базаръ былъ оживленъ. Комендатъ укрѣпленія Хаджалъ-Махинскаго поднесъ печеный свѣжій хлѣбъ, котораго мы давно не видали. Все наслаждалось отдыхомъ. Не разъ въ эти первыя минуты, подъ этими великолѣпными деревьями и съ этою холодною, свѣжею водой въ такомъ изобиліи, приходило на мысль: „изъ чего родъ людской враждуетъ и грызется, какъ дикій звѣрь, развѣ Божій міръ тѣсенъ для всѣхъ или дары его не прекрасны“.

Кн. Барятинскій отсюда уходилъ прямо къ себѣ на линію со своими баталіонами. Кн. Аргутинскій вышелъ ихъ поблагодарить. Молодцы кабардинцы были одѣты всѣ одинаково: большіе сапоги, синіе холщевые штаны, мундиры, патронташъ на поясѣ, унизанномъ пуговицами, на ремнѣ за поясницей холщевый мѣшокъ, вмѣсто ранца, фуражка съ козырькомъ. Послѣ экспедиціи они были щеголями, много впрочемъ при-

давала лихости и репутація полка. „Спасибо вамъ, кабардинцы, вы сюда пришли, чтобы лезгинамъ дать острастку, вы ее дали имъ, хорошо служили въ Дагестанѣ“ и проч. Князь на это дѣло былъ не мастеръ. Барятинскаго благодарилъ сердечно, хотя не забывалъ, что онъ потерялъ много хорошаго войска въ садахъ.

Въ лагерь подъ Гергебилемъ у Барятинскаго былъ всегда накрытъ обѣдъ; въ четырехъ серебряныхъ чашахъ со спиртовыми лампочками были: въ одной баранина, въ другой картофель просто, въ третьей картофель съ лукомъ и т. д., нѣчто въ родѣ сочетаній бинорма Ньютона. Поваръ у него былъ французъ Hardis, который между двумя кушаньями выбѣгалъ на курганъ смотрѣть, какъ непріятель стрѣляетъ изъ орудія въ лагерь. Hardis вызывали послѣ обѣда и пили за его здоровье, когда лукъ былъ хорошо изжаренъ. Барятинскій обладалъ юморомъ и большимъ шукарствомъ, но былъ съ сердцемъ человѣкъ. Однажды онъ разсердился, что офицеры часто уѣзжаютъ съ передовой позиціи въ лагерь, и арестовалъ 2 или 3, къ сожалѣнію лучшихъ. Мы сѣли за столъ, онъ ничего не могъ ѣсть, пока ихъ не выпустили. Его серебряная посуда надѣлала разъ намъ хлопотъ: вечеромъ ее мыли и палатку оставили поднятою отъ жары; ночь была лунная, кто-то пробѣжалъ и часовому около палатки показалось, что пробѣгавшій схватилъ одну серебряную вещь, онъ крикнулъ и вслѣдъ выстрѣлилъ; поднялась тревога, цѣпь принялась стрѣлять, пошла потѣха.

Кн. Аргутинскому нравился Барятинскій, при чемъ его социальное положеніе играло въ этомъ не первую роль. „Пойдемъ, Николай Васильевичъ, къ кн. Александру Ивановичу, у него такой хорошій лимонадъ и такіе онъ смѣшные анекдоты рассказываетъ“. И въ самомъ дѣлѣ сейчасъ начнетъ Барятинскій разводить Lemon Drops¹⁾ и рассказывать такія вещи, что я никогда не видалъ Аргутинскаго, заливавшагося такимъ смѣхомъ. Барятинскій былъ на это мастеръ и его тѣшило въ особенности разсмѣшить такого угрюмаго и не знающаго людской жизни человѣка, какъ Аргутинскій, который однако же говаривалъ: „Князь Александръ Ивановичъ хорошій человѣкъ и храбрый офицеръ, но не серьезный“²⁾. Въ этомъ мнѣніи

¹⁾ Лимонныя лепешки.

²⁾ Это опредѣленіе княземъ Аргутинскимъ князя Барятинскаго очень характерно. Для цѣльной натуры князя Аргутинскаго, всецѣло поглощеннаго только дѣломъ, смотрѣвшаго на войну, какъ на великое и серьезное дѣло, князь Барятинскій съ его прихотливыми затѣями и жаждой подвиговъ и отличій могъ казаться только карьеристомъ.

Б. Колубакинъ.

о себѣ Барятинскій былъ виноватъ самъ, потому что слишкомъ иногда балагурилъ, иногда даже былъ страненъ, напр., у него былъ камердинеръ, молодой малый, вхожу разъ въ палатку къ Барятинскому за дѣломъ поздно, слышу хохотъ его, онъ еще въ постели и забавляется тѣмъ, что подставляетъ палецъ камердинеру, который никакъ не можетъ этотъ палецъ поймать.

У непріятели въ аулѣ и на поляхъ хлѣбъ былъ уже убранъ, жители свободны и, слѣдовательно, сборамъ его и вторженіямъ время благопріятствовало, а потому отрядъ нашъ долженъ былъ оставаться еще въ сборѣ и сдѣлать нѣсколько движеній. Сначала мы зашли заглянуть, что дѣлается въ Салтахъ съ прошедшаго года. Тамъ все оставалось въ полномъ разрушеніи, и жители не возвращались на старое пепелище. Я поѣхалъ осматривать аулъ и будиль воспоминанія прошедшаго года. Меня нагналъ среди разоренныхъ саклей Глахуна и объяснилъ мнѣ, какъ умѣлъ, что Аргутинскій получилъ отъ главнокомандующаго что-то важное и очень радостное. Поспѣшно возвратившись, я нашелъ Аргутинскаго передъ своей палаткой расхаживающаго и пыхтящаго отъ волненія, а на постелѣ у него золотой эксельбантъ и распечатанный пакетъ. „Вотъ, любезный Ник. Вас., государь меня удостоилъ большою милости. Какъ это у васъ надѣвается, покажи пожалуйста“.

Кн. Воронцовъ, получивъ изъ Петербурга увѣдомленіе о пожалованіи Аргутинскаго генераль-адъютантомъ, послалъ прямо черезъ горы лазутчика, зашивъ ему въ шапку пакетъ и свой эксельбантъ, чтобы скорѣе обрадовать его. И дѣйствительно, эта награда ему была очень по сердцу, никто изъ отдѣльныхъ начальниковъ еще ея не имѣлъ. Кн. Воронцовъ хотѣлъ отличить его, а государь показалъ, что дѣйствительныя заслуги, хотя отдаленнаго и неизвѣстнаго ему челоуѣка, идутъ наравнѣ съ приближенными къ нему лицами.

Годъ тому назадъ Воронцовъ былъ при отрядѣ, который не взялъ Гергебиля, безъ него Аргутинскій взялъ тотъ же Гергебель, и Воронцовъ исходатайствовалъ ему награду изъ ряда вонъ, безъ всякой мысли о сравненіи съ собой. Кстати, награда пришла въ Салтахъ, какъ будто напоминая, что ей слѣдовало бы быть еще въ прошломъ году, но тогда ее получилъ Коцебу, какъ начальникъ Главнаго Штаба Кавказской арміи.

Минквицъ, который былъ съ нами, хлопоталъ, чтобы пиръ былъ на весь міръ по этому случаю. Аргутинскій былъ въ духѣ, обѣдъ былъ веселый, и на другой день рано мы высту-

пили. Проклятый Ремеръ, командовавший батареей за раненаго Лагоду, никакъ не могъ выѣхать съ бивуака. Аргутинскій было разсердился на меня, но это прошло также скоро.

Весь день отрядъ поднимался по горной тропинкѣ все выше и выше. Люди шли гуськомъ, приостанавливались, отдыхая, орудія—на вьюкахъ, вьючный обозъ—сзади. Все выше и выше. День былъ теплый; къ сумеркамъ сдѣлалось холоднѣе, на горахъ палъ туманъ, затѣмъ—снѣгъ. Уже было совсѣмъ темно, когда мы добрались до Турчидага. Барабанщикамъ приказано было бить, чтобы люди въ этой мглѣ не растерялись. Медленно собирался отрядъ. Когда я приѣхалъ на обыкновенное лагерное мѣсто Турчидага, палатки штаба уже были поставлены и самовары готовы; палатка Аргутинскаго закрыта, онъ уже спалъ. Я порядочно усталъ и околѣлъ отъ холода, но у меня были свѣчи въ палаткѣ, была енотовая шуба и изъ самовара выбивались искры. Мимо меня едва плелись роты, назначенныя въ ночную цѣль передъ самымъ лагеремъ штаба по обрыву въ нѣсколько тысячъ футовъ, въ шинеляхъ, подбитыхъ вѣтромъ, поверхъ головы еще остатки старой шинели, въ видѣ капюшона. Невольно приходило на мысль, хорошо, что тутъ недосыгаемый обрывъ, иначе что такіе утомленные переходомъ и погодой люди могутъ оберегать—они заснутъ, какъ убитые. Если въ манеркахъ есть вода, то соберутъ изъ мѣшковъ сухарныя крошки и этимъ поужинаютъ на сонъ грядущій. Пока придутъ ротные котлы, если есть заранѣе заготовленный кизякъ, то успѣютъ въ ротахъ сварить кашу только къ утру. Сколько разъ случалась ночью въ лагерѣ фальшивая тревога, въ особенности послѣ утомительнаго перехода. Въ ночной цѣпи, на постахъ, солдатъ дремлетъ отъ утомленія, ему приснится непріятель, онъ крикнетъ во снѣ ура, другой со сна выстрѣлитъ, и пошла потѣха, вся цѣпь кругомъ лагеря начинаетъ стрѣлять немилосердно, воображая, что гдѣ-нибудь нападаетъ непріятель. Бывало, мой вѣрный урядникъ Уваровъ бросается въ палатку: „ваше высокоблагородіе, на уру бросается“. „Кто“. „Онъ, ваше высокоблагородіе“. Онъ—это значитъ непріятель. Одинъ опытный начальникъ еще въ Чечнѣ меня научилъ никогда при тревогѣ не выходить изъ палатки иначе, какъ совсѣмъ одѣтымъ. Во-первыхъ, выходишь готовымъ, во-вторыхъ, есть время проснуться совсѣмъ и обдуматься. Я такъ всегда и дѣлалъ. Выйдешь, бывало, ночь свѣтлая, луна великолѣпная, отдашь себѣ отчетъ, какъ стоитъ лагерь, гдѣ можетъ быть

вѣроятное нападеніе и по большей части вернешься, чтобы опять заснуть.

Нельзя сказать, чтобы тогдашніе кавказскіе солдаты не натерпѣлись бы вдоволь всего, въ ожиданіи, когда наступитъ день и въ головахъ у него поставятъ копеечную свѣчку и то еще, если убитый останется въ нашихъ рукахъ, а сколько живыхъ, раненыхъ дорѣзано немилосердно горцами.

Въ этомъ движеніи я нагналъ арбы, шедшія подъ прикрытіемъ въ ближайшій госпиталь въ Курагъ. На одной изъ нихъ лежалъ въ горячкѣ бѣдный Кривцовъ, старый товарищъ. Я поговорилъ съ нимъ еще немного. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ въ Курагѣ. Жаль его, хорошій былъ артиллерійскій офицеръ. Огромнаго роста, онъ на своей батарее, очень близкой къ аулу Гергебилю, ходилъ все безъ фуражки, говоря, что его рыжіе волосы незамѣтны изъ аула и меньше шансовъ быть убитымъ. Умный, образованный человѣкъ, но безъ матеріальныхъ средствъ и безалаберный, не зналъ, что изъ себя сдѣлать. Жаль, погибъ даромъ, и сколько такихъ погибло въ Кавказской 70-лѣтней войнѣ.

Сообщилъ П. Н. Исаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).